

Г Л А В А VII.

Служба и жизнь въ Варшавѣ.

Вліяніе личности ЦЕСАРЕВИЧА на свои войска.—Порядокъ службы и воинскихъ занятій.—Разводы.—Разъѣзды.—Церковные парады.—Караулы.—Караульная служба въ дни католической страстной недѣли.—Религіозные обряды и праздники въ войскахъ.—Взысканія.—Парады и ученья.—Обязанности взводныхъ командировъ.—Школа плаванія.—Осеннія занятія.—Солдатскій бытъ и полковая жизнь.—Щедрость ЦЕСАРЕВИЧА, его характеръ и отношенія къ подчиненнымъ.—Непріязнь между русскими и польскими войсками.—Заботы ЦЕСАРЕВИЧА о ея устраненіи.—Средство сближенія.

Порядокъ службы и воинскихъ занятій въ Варшавѣ, благодаря трудамъ и вниманію, а также и умѣнью ЦЕСАРЕВИЧА, былъ доведенъ до образцовой степени, такъ что и Великій Князь Михаилъ Павловичъ изъ Петербурга, и королевскіе принцы изъ Берлина нарочно пріѣзжали бывало въ Варшаву—полюбоваться на войска ЦЕСАРЕВИЧА и научиться у него этому замѣчательному искусству доводить единичное и общее фронтовое образованіе войскъ, въ относительно короткое время и безъ употребленія особенно-крутыхъ мѣръ, до высокаго совершенства. Тайна этого умѣнья крылась въ самомъ ЦЕСАРЕВИЧѢ, въ его личномъ характерѣ и военной опытности: онъ зналъ чего и на сколько можно требовать отъ солдата, умѣлъ взыскать когда слѣдуетъ, а еще болѣе умѣлъ похвалить, поощрить и щедро наградить за дѣло. Солдатъ постоянно видѣлъ, что самъ Великій Князь, наравнѣ съ нимъ, охотно переноситъ

всѣ трудности службы, не требуетъ отъ людей того, чего самъ не въ состояніи былъ бы для примѣра имъ исполнить, заботливо входитъ въ солдатскій бытъ, умѣетъ понятно и кстати говорить съ солдатомъ, — и въ этомъ-то крылась вся тайна его искусства. Главное дѣло въ томъ, что Цесаревича любили, и для того чтобы встрѣтить его довольную улыбку, ясный взглядъ его привѣтливыхъ голубыхъ глазъ и радостно произнесенное «спасибо, ребята! По чаркѣ водки, по фунту мяса на брата!»— для этого солдаты готовы были, что называется, изъ кожи лѣзть, работать напролетъ и дни и ночи. И замѣчательно вотъ что: въ то время когда строго-формалистическая, мертвая система Аракчеева, примѣняемая командирами его школы къ войскамъ русской арміи, расположеннымъ внутри Имперіи, давала такіе печальные результаты въ количествѣ побѣговъ, самоубійствъ и преступленій—эти грустные явленія въ варшавскомъ отрядѣ составляли очень рѣдкіе, исключительные факты. Въ этомъ нагляднымъ образомъ убѣждаютъ насъ данныя полковыхъ мѣсячныхъ отчетовъ. Цесаревичъ, въ большинствѣ случаевъ, почти исключительно примѣнялъ одно наказаніе: выписку въ армейскія части. Онъ прежде всего и болѣе всего старался дѣйствовать на самолюбіе человѣка.

Взглянемъ же теперь на тотъ порядокъ занятій и службы, которыми приѣзжали занимываться высокіе гости Цесаревича и который нашъ полкъ испытывалъ наравнѣ съ остальными частями варшавскаго отряда.

Цесаревичъ вставалъ съ постели очень рано,—зимою въ шесть, а лѣтомъ въ четыре часа утра, и даже ранѣе. Въ восемь часовъ зимою и въ пять во время лагерныхъ сборовъ онъ уже выходилъ въ пріемную, одѣтый въ форму, какая полагалась въ данный день по правиламъ устава о гарнизонной или лагерной службѣ, и принималъ коменданта, высшихъ начальниковъ частей если тѣмъ была къ нему какая-либо надобность, а также и офицеровъ, представлявшихъ по разнымъ случаямъ и наряжен-

ныхъ въ должности. Тутъ же представляемы были и нижніе чины, какъ-то: вахмистры эскадроновъ Его Высочества, дневные пѣшіе ординарцы, вновь-поступившіе въ полкъ, вновь-обмундированные, вновь-произведенные въ унтеръ-офицеры и въ вахмистры и, наконецъ, рекруты. Послѣ этого приѣма Его Высочество выѣзжалъ къ разводу, который отмѣнялся въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Съ окончаніемъ лагерныхъ сборовъ, въ теченіи всей осени, зимы и раннею весною, военный день нашъ обыкновенно начинался разводомъ, который постоянно происходилъ въ 9 часовъ утра, среди города, въ лучшей его части, на Саксонской площади. Цесаревичъ почти всегда лично присутствовалъ при этой церемоніи, гдѣ, въ случаѣ надобности, отдавалъ парольныя приказанія. Въ нарядъ развода входили: полковой караулъ, конные ординарцы и—по очереди отъ полковъ гвардейской кавалерійской дивизіи—караулъ во дворецъ «Королевскія Лазенки». Караулы отъ нашего полка, по особому желанію Его Высочества, непременно должны были прежде парадировать при разводѣ, а потомъ уже отправляться на свои посты. Обыкновенно выводилось въ строй отъ полка 18 рядовыхъ съ трубачемъ, при одномъ оберѣ и двухъ унтеръ-офицерахъ. Парадировалъ со взводомъ офицеръ того эскадрона, отъ котораго наряжался караулъ, приходившій изъ казармъ на площадь въ 8 часовъ утра. Караульная очередь велась между Подольскимъ кирасирскимъ, Лейбъ-Уланскимъ и польскимъ гвардейскимъ Конно-Егерскимъ полками. Впослѣдствіи же, а именно съ 1824 года, къ этой очереди примкнули и гродненскіе гусары. Къ разводу назначался еще, тоже въ очередь съ другими полками, конный разъѣздъ, въ составѣ двѣнадцати-ряднаго взвода, при трубачѣ, одномъ оберѣ и трехъ унтеръ-офицерахъ, который являлся на площадь тоже къ 8-ми часамъ и, по окончаніи развода, въ присутствіи Цесаревича, смѣнялся съ церемоніей съ разъездомъ предшествовавшаго дня. Изъ числа офицеровъ непременно

должны были присутствовать на площади всё, кто занималъ въ тотъ день какія-либо дежурства при своихъ частяхъ, какъ-то: дежурный по полку (обыкновенно ротмистръ или штабсъ-ротмистръ изъ старшихъ) четыре дежурныхъ по эскадронамъ (отъ штабсъ-ротмистра до корнета включительно), которые послѣ развода должны были безотлучно находиться при своихъ эскадронахъ; затѣмъ одинъ оберъ-офицеръ за приказаніемъ (должность эту исправлялъ всегда по смѣнѣ одинъ изъ дежурныхъ по эскадронамъ предшествовавшаго дня) и, наконецъ, конный ординарецъ.

Сверхъ того, по очереди отъ полковъ дивизіи, назначались: караульный въ Королевскія Лазенки, дежурный офицеръ (и унтеръ-офицеръ) по Уяздовскому госпиталю и одинъ, какъ сказано уже, въ разъѣздъ со взводомъ. Изъ штабсъ-офицеровъ же, по дивизионной очереди, наряжался одинъ дежурный по карауламъ 3-го отдѣленія. Но кромѣ дежурныхъ, при разводѣ обязательно должны были присутствовать всё наличные офицеры эскадрона, отъ котораго въ тотъ день сдѣланъ караульный нарядъ. Должностнымъ же и офицерамъ остальныхъ эскадроновъ въ будніе дни, за исключеніемъ какихъ-либо особыхъ случаевъ, дозволялось и не присутствовать, употребляя это время на служебныя занятія со вѣренными имъ частями. За то въ праздничные и воскресные дни всё безъ исключенія офицеры полка находились при разводѣ. Форма одежды была такая же какъ въ Петербургѣ, съ тою разницею, что въ обыкновенные дни офицеры въ городѣ могли носить при сюртукахъ *черныя шапки*, какъ назывались тогда политурные вице-кивера, обтянутые клеенкою, и рейтузы, вмѣсто чакчиръ. Съ 1-го ноября по 1-е мая мундирные лацканы закрывались, люди переходили на зимнее положеніе, и тогда уже разводъ при открытыхъ лацканахъ производился только въ исключительныхъ, торжественныхъ случаяхъ.

Съ 17-го января 1818 года въ разводахъ начинаеть иногда участвовать въ концомъ строю, вмѣсто одного взвода, цѣлый

эскадронъ, выѣзжая на эту церемонію не иначе какъ въ полной боевой аммуниціи, и сѣдая полнымъ походнымъ व्यюкомъ. Послѣ развода очередной взводъ смѣнялъ съ церемоніей вчерашній разѣздъ, а остальные три взвода возвращались домой, въ казармы. Эти наряды «въ разѣздъ» цѣлаго эскадрона дѣлались въ очередь съ другими конными полками, обыкновенно, по праздничнымъ днямъ, либо по желанію Цесаревича, а въ высокаторжественныхъ случаяхъ въ разѣздъ назначался иногда эскадронъ Его Высочества и парадировалъ со штандартомъ ¹⁾).

Каждый воскресный и праздничный день русскіе полки посылали отъ себя особыя части, каждая въ количествѣ двухъ взводовъ, при трехъ офицерахъ и соответственномъ числѣ унтеръ-офицеровъ, въ церковный парадъ. Хоръ музыки назначался по очереди. Къ одиннадцати часамъ утра взводы эти прибывали въ Замковую церковь, и по окончаніи божественной литургіи Цесаревичъ на Зигмунтовой площади пропускалъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, поздравляя иногда людей съ праздникомъ. Но изъ всѣхъ зимнихъ парадовъ этого рода съ особенною торжественностію дѣлался Крещенскій. Войска русскаго отряда стояли шпалерами отъ Королевскаго Замка, или «Бурга», какъ тогда его называли—до берега Вислы, гдѣ устраивалась «Юрдань» для освященія воды и окропленія ея всѣхъ русскихъ знаменъ и штандартовъ.

Съ началомъ мая мѣсяца пѣхота и артиллерія выступали въ лагерь на Повонзковское поле, и съ этого времени разводы производились уже по лагерному положенію въ восемь часовъ утра, за Повонзковскою заставой, безъ особой церемоніи. При этомъ, офицеры не наряженные въ караулъ совершенно освобождались отъ присутствованія при разводѣ, какъ и всегда

---

¹⁾ Что прочемъ не было правиломъ и дѣлалось не всегда. Такъ, въ 1829 году, въ бытность Государа Императора въ Варшавѣ, наряжался только одинъ взводъ.

впрочемъ, когда разводъ дѣлался за городомъ. Дежурные офицеры смѣнялись уже сами по себѣ, безъ особыхъ формальностей, обыкновенно послѣ ученья, а равно и домашніе полковые караулы послѣ ученья же заступали свой постъ на полковой гауптвахтѣ. Но по праздничнымъ днямъ даже и въ лагерное время разводы производились въ городѣ, на Саксонской площади, въ девять часовъ, а равно и церковный парадъ къ обычному времени отправлялся въ Замоквую церковь. Въ лагеряхъ же отправлялось съ большою торжественностію только католическое богослуженіе.

Съ выходомъ пѣхоты въ поле, кавалерія поочередно посылала въ Повонзковскій лагерь особый взводъ «на пикетъ», что продолжалось во все время лѣтнихъ сборовъ. Городскіе же караулы, которые обыкновенно содержала пѣхота, дважды въ году были занимаемы кавалерійскими частями: при уходѣ пѣхоты въ лагерь и при возвращеніи ея изъ лагерей въ Варшаву. Это дѣлалось каждый разъ въ теченіи двухъ-трехъ дней, чтобы облегчить пѣхотинцамъ внутреннее устройство своего быта, хозяйства и помѣщенія въ палаткахъ и потомъ въ казармахъ. Во время же пребыванія Государя Императора въ Лазенковскомъ дворцѣ и кромѣ того въ лѣтнюю пору, начиная съ 20-го іюня, разводы производились исключительно отъ кавалерійскихъ полковъ, въ Лазенкахъ, на площадкѣ, въ восемь часовъ утра, ежедневно, до начала травянаго довольствія ¹⁾).

Какъ одну изъ особенностей тогдашней гарнизонной службы въ Варшавѣ, надо отмѣтить караульные порядки, наблюдавшіеся въ дни католической Страстной недѣли. Съ наступленіемъ этихъ дней, въ польскихъ костелахъ, какъ извѣстно, совершенно прекращается колокольный звонъ, замѣняясь деревянными колоутушками и трещетками. вмѣстѣ съ этимъ и по варшавскому гарнизону всегда отдавался приказъ, чтобы воинскія части, заступающія караулы, не били въ барабанъ и не трубили ни утренней, ни вечерней зори, а также и при смѣнѣ.

---

¹⁾ Добавленіе къ приказу Цесаревича отъ 12-го іюня 1830 г. за № 131.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда весь караулъ требуется въ ружье, часовой у фронта обязанъ былъ вызывать его на платформу не ударомъ въ колоколь, а словами: «караулъ вонь!» Чести въ эти дни не отдавалось никому, штыки оставались отомкнутыми, и ружья въ сошкахъ ставились прикладами не внизъ, какъ обыкновенно, а вверхъ, въ родѣ того какъ нѣкогда бралось «на погребеніе». Этотъ порядокъ караульной службы наблюдался вплоть до Свѣтло-Христовой заутрени ¹⁾.

Въ первые годы нашего пребыванія въ Варшавѣ, когда наступали католическіе «гробы» ²⁾, то для приданія большей пышности этому обряду, во всѣ варшавскіе костелы наряжались отъ русскихъ и польскихъ войскъ особыя команды, въ родѣ почетныхъ карауловъ. Но въ 1830 году, когда въ массѣ городскихъ обывателей глухое раздраженіе противъ «москалей» достигло уже значительной степени, велѣно было не посылать болѣе «для обхода Христовыхъ гробовъ» нижнихъ чиновъ «россійскихъ войскъ», ни командами, ни даже по одиночкѣ, хотя бы они и принадлежали къ католическому вѣроисповѣданію ³⁾. Эта предосторожность указываетъ на степень польскаго раздраженія и ненависти къ русскому мундиру. Даже русскимъ офицерамъ воспрещалось показываться въ эти дни верхомъ или въ экипажахъ близости костеловъ ⁴⁾, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не увеличивать стѣсненія въ людныхъ улицахъ. Но запрещеніе это не простиралось на офицеровъ и солдатъ польской арміи: и тѣ и другіе во время «гробовъ» и Пасхи могли свободно присутствовать вездѣ, гдѣ угодно.

Великимъ постомъ православные солдаты кавалерійскихъ полковъ говѣли дивизіонами, вмѣстѣ со своими офицерами; испо-

---

¹⁾ Относительно постановки ружей и отмыканія штыковъ въ 1830 году послѣдовала отмѣна.

²⁾ Гробы соотвѣтствуютъ плащаницѣ православныхъ.

³⁾ Приказъ по полку отъ 30 марта 1830 г. § 12.

⁴⁾ Ibid.

*

вѣдывались у отряднаго священника ¹⁾ и причащались въ Замковой церкви. Католики же и лютеране посылались въ свои храмы особыми командами, при офицерахъ. Великій князь, наблюдалъ въ средѣ своихъ подчиненныхъ за неукоснительнымъ выполненіемъ обрядовъ религіи. Эти обряды въ чуждой намъ средѣ католическаго населенія, отличались особеннымъ блескомъ. Въ страстные дни, напримѣръ, къ выносу плащаницы наряжался особый парадъ отъ всѣхъ русскихъ полковъ съ ихъ музыкою, а также и всѣ полковые пѣвчіе, соединившіеся въ одинъ общій хоръ громаднхъ размѣровъ. Крестные ходы совершались съ большою торжественностію. Къ церковному же параду на Свѣтлое Христова Воскресеніе назначались обыкновенно два сборные взвода, въ 15 рядовъ каждый, въ составъ которыхъ входило отъ каждаго эскадрона по 15-ти рядовыхъ, по два унтеръ-офицера, и сверхъ того три трубача. Съ этими людьми Цесаревичъ христосовался за заутренней, а въ девять часовъ утра являлись къ Его Высочеству въ Брюлевскій дворецъ всѣ офицеры и классные чиновники, вахмистра, ординарцы назначенные на сей день, и по четыре унтеръ-офицера отъ каждаго эскадрона. Принявъ поздравленія и перехристосовавшись со всѣми, Великій Князь обмѣнивался съ вахмистрами и фельдфебелями краснымъ янчкомъ и обдѣлялъ присутствовавшихъ нижнихъ чиновъ денежными подарками. Со дня Свѣтлаго Христова Воскресенія уланы начинали носить открытые лацканы и, если позволяло состояніе погоды, не закрывали ихъ уже вплоть до урочнаго осенняго срока ²⁾.

15-го апрѣля бывалъ, обыкновенно, весенній парадъ всѣмъ полкамъ варшавскаго гарнизона и войскамъ, расположеннымъ въ окрестныхъ городкахъ и мѣстечкахъ. Польскою пѣхотой Цесаревичъ постоянно оставался очень доволенъ. На весен-

---

¹⁾ Въ 1830 г. у о. Іоанна Кутневича, который состоя отряднымъ священникомъ, числился въ Лейбъ-Гвардіи Уланскомъ Цесаревича полку.

²⁾ Приказы по полку за разные годы до 1830 включительно.

немъ парадъ 30-го года она въ особенности угодила Его Высочеству щегольскойю чистотой одежды и церемональнымъ маршемъ, которымъ проходила «отлично хорошо», какъ взводами, такъ и колоннами. Умѣя щедро награждать, Цесаревичъ, однако, въ случаѣ надобности, умѣлъ и възыскивать, дѣйствуя преимущественно на самолюбіе служащихъ, и въ особенности старшихъ начальниковъ. Подольскіе кирасиры въ 30-мъ году удовлетворяли Его Высочество менѣе прочихъ полковъ во фронтовомъ отношеніи. Изъявляя свою благодарность войскамъ за парадъ 15-го апрѣля, Великій Князь замѣтилъ въ письменномъ приказѣ, что Лейбъ-Гвардіи Подольскій кирасирскій полкъ «выступалъ нечисто, а въ особенности 1-й и 2-й эскадроны, которые какъ рысью, такъ и галопомъ проходили неровно, фланговые унтеръ-офицеры не держали дистанціи и не ровнялись; г-да офицеры вообще дурно сидѣли на лошадяхъ, а особливо г. полковникъ баронъ фонъ-Франкъ сидитъ на лошади хуже какъ рекрутъ, только-что прибывшій въ полкъ». Уланы на этотъ разъ—какъ и всегда, впрочемъ—найдены «во всѣхъ отношеніяхъ въ отличности». Пожаловавъ нижнимъ чинамъ всѣхъ удовлетворительныхъ частей по чаркѣ водки и фунту мяса на человѣка, Его Высочество отдалъ въ приказѣ выговоръ командиру Подольскаго кирасирскаго полка, генералъ-лейтенанту Кноррингу 2-му—«за нечистое выступленіе въ парадъ и найденныя по фронту упущенія» и приказалъ «производить ежедневно сему полку ученье, до того времени, пока не будетъ доведено до надлежащей фронтовой исправности» ¹⁾.

За неисправность кирасиръ пришлось платиться и уланамъ, такъ какъ Кноррингъ, будучи бригаднымъ командиромъ ²⁾, пред-

---

¹⁾ Приказъ Цесаревича отъ 15-го апрѣля 1830 г. и приказъ по полку отъ того же числа и года, § 10.

²⁾ Первую бригаду Варшавской Гвардейской Кавалерійской дивизіи составляли полки Лейбъ-Гвардіи Подольскій кирасирскій и Уланскій Цесаревича, а вторую польскій гвардейскій Конно-Егерскій и Гродненскій гусарскій.

писалъ обонимъ полкамъ производить ежедневныя конныя ученія внутри своихъ полковыхъ дворовъ. Уланы ворчали про-себя, что это для того-де сдѣлано, чтобы кирасирамъ не такъ уже обидно было ¹⁾).

Вообще, Цесаревичъ въ первой четверти 30-го года былъ особенно недоволенъ подольцами и потому перѣдко дѣлалъ имъ въ приказахъ выговоры. На дивизионномъ ученіи 29-го апрѣля Его Высочество нашелъ, что Подольскій кирасирскій полкъ «по фронту опустился» и, изъясняя ему свое особенное неудовольствіе, приказалъ «всѣмъ онаго полка чинамъ, т. е. отъ генерала до рядовыхъ, находиться безотлучно въ полковыхъ казармахъ, впредь до дальнѣйшаго приказанія и производить ежедневно ученье (равно и сего—т. е. 29-го—числа въ 4 часа пополудни) въ такой точно формѣ, какъ были одѣты на бывшемъ сего числа ученьи» ²⁾. А ученіе было въ полной боевой формѣ, съ полнымъ походнымъ выюкомъ. Наказаніе продолжалось до 1-го мая, когда опять назначено было ученіе всей дивизіи. На этотъ разъ полки найдены «во всѣхъ фронтовыхъ оборотахъ въ совершенной исправности», за что и отдана благодарность Его Высочества всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, нижнимъ чинамъ пожаловано по чаркѣ вина и фунту мяса, и вся дивизія на два дня освобождена отъ всякихъ занятій.—«А Подольскій Кирасирскій полкъ изъ назначеннаго ареста освобождается», прибавлено въ заключеніе въ томъ же приказѣ ³⁾).

Вообще, при взысканіяхъ за неисправности, у Цесаревича старшій никогда не избавлялся отъ отвѣтственности за ошибки младшаго: взыскивалось съ того и другаго. Однажды, напри- мѣръ, весной, въ праздничный день, проѣзжая съ церковнаго

Начальникомъ этой дивизіи былъ генералъ польской службы генералъ-адъютантъ Курнатовскій.

¹⁾ Изъ воспоминаній и разсказовъ В. Д. Лобанова, бывшаго вахмистра 4-го эскадрона Л.-Гв. Ул. Цесаревича полка.

²⁾ Парольный приказъ Цесаревича отъ 29-го апрѣля 1830 г.

³⁾ Отъ 1-го мая 1830 г.

парада въ Бельведеръ, встрѣтилъ Великій Князь какого-то унтеръ-офицера польскихъ войскъ, который, вмѣсто казеннаго галстука, повязалъ себѣ на шею шелковый шарфъ и красовался своими длинными кудреватыми волосами. Въ это же время попались Его Высочеству еще двое польскихъ солдатъ, одѣтыхъ не въ установленной формѣ. Въ тотъ же день отданъ былъ строгій выговоръ въ приказѣ полковымъ командирамъ этихъ солдатъ, а ротные ихъ командиры на трое сутокъ посажены на гауптвахту ¹⁾.

Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, для польскихъ и русскихъ войскъ была издана на обоихъ языкахъ особая книжка, подъ заглавіемъ: «Правила для солдатъ, какимъ образомъ они должны поступать на службѣ и внѣ оной, сохраняя приличную осанку». Вводные начальники обязательно должны были читать эту книжку своимъ солдатамъ, какъ можно чаще и вразумительнѣе.

Поляки—пзвѣстные любители всякихъ, а въ особенности военно-парадныхъ зрѣлищъ, тѣмъ болѣе что въ тѣ времена ихъ національному самолюбію чрезвычайно льстило видѣть «свое собственное народное войско», доведенное до такой высокой и блестящей степенн фронтоваго совершенства. Множество городскихъ обывателей и дамъ толпилось по краямъ Саксонской площади, когда Цесаревичъ производилъ тамъ разводъ, и присутствовавшіе внѣ строя офицеры постоянно были осаждаемы просьбами прекраснаго и непрекраснаго пола—провести ихъ поближе къ Великому Князю, откуда лучше можно бы видѣть церемонію. Поэтому офицеры подъ своимъ покровительствомъ всегда проводили на средину площади своихъ «сцивилныхъ» знакомыхъ и давали имъ мѣсто въ толпѣ военныхъ. Цесаревичъ обыкновенно смотрѣлъ на это весьма снисходительно, и только въ ожиданіи Царскаго пріѣзда въ Варшаву напо-

---

¹⁾ Парольный приказъ Цесаревича отъ 20-го апрѣля 1830 г. § 12.

миналъ парольнымъ приказаніемъ, чтобы офицеры, присутствующіе на разводѣ вѣтъ строя, стояли въ надлежащемъ порядкѣ, на своихъ мѣстахъ, по старшинству полковъ, не сближались бы къ свитѣ Его Величества «и цивильныхъ людей между себя не вводили бы, исключая только министровъ и сенаторовъ». Рассказываютъ, что однажды извѣстный въ Варшавѣ комическій актеръ французской труппы, Мерé (Mairet), талантъ и личность котораго весьма были любимы Великимъ Княземъ, желая проскользнуть въ офицерскую толпу, очутился и запутался какимито судьбами между рядами солдатъ. За это нарушеніе военнаго благочинія Цесаревичъ велѣлъ его тутъ же свести на гауптвахту; но разумѣется, арестъ Мерé продолжался не долго: сей-часъ же послѣ развода велѣно было его выпустить. На другой день Мерé въ какомъ-то водевилѣ разыгрывалъ роль солдата національной гвардіи, которому капитанъ грозитъ арестомъ за униженіе по службѣ.—«Нѣтъ, это уже черезъ-чуръ скучно!» воскликнулъ вдругъ Мерé экспромтомъ, разумѣется отъ себя:—«вчера на гауптвахтѣ, сегодня на гауптвахтѣ; это ни на чтò не похоже!»—Цесаревичъ очень смѣялся этой шуткѣ.

Ежегодно 4-го іюня въ Варшавѣ торжественно справлялось особое празднество въ честь учрежденія Царства Польскаго, и по этому поводу дѣлался большой парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ лагеряхъ и въ городѣ, т. е. всей польской арміи и русскому отряду, на обширномъ полѣ, за фольваркомъ Парижъ, съ участіемъ въ церемоніи также и всѣхъ полковыхъ обозовъ. Обыкновенно, вся Варшава, разодѣтая по праздничному, высыпала и пѣшкомъ, и верхомъ, и въ экипажахъ на это рѣдкое зрѣлище. Тутъ же приносилось и общее поздравленіе съ этимъ днемъ намѣстнику Царства, генералу Заіонцку, въ отношеніи котораго Великій Князь соблюдалъ особый этикетъ: во всѣ высокоторжественные дни русскіе офицеры и самъ Царевичъ со свитою, въ полной парадной формѣ, собирались утромъ въ Брюлевскомъ дворцѣ и оттуда отправлялись въ «Намѣстниковскіи

палацъ» приносить поздравленіе представителю Царя Польскаго.

Между тѣмъ, однажды-навсегда установленный порядокъ занятій шелъ своимъ чередомъ въ теченіи цѣлаго года. Въ 1817 году упражненія въ верховой ѣздѣ въ зимнее время производились въ Саксонскомъ манежѣ и были распределены такимъ образомъ, что каждый эскадронъ имѣлъ возможность одинъ разъ въ недѣлю пользоваться манежемъ въ теченіи цѣлаго дня. Вторникъ и среда отдавались 1-му дивизиону, а пятница и суббота 2-му. Эскадронныя ученія не прекращались и зимою. Когда дозволяло состояніе погоды, и морозъ не превышалъ 10-ти—12-ти градусовъ, очередной эскадронъ приходилъ на Саксонскую площадь и упражнялся въ ломкѣ фронта и въ разныхъ эволюціяхъ по эскадронному уставу того времени. Люди выѣзжали въ спензерахъ и иногда въ фуражкахъ, но всегда съ полнымъ вооруженіемъ, сѣдая лошадей «съ переднимъ выюкомъ».

Ученія эти, по возможности, производились черезъ день. Въ 1818 году на манежную ѣзду стали налегать уже менѣе. Эскадроны пользовались Саксонскимъ манежемъ уже не цѣлый день напролѣтъ, а только по пяти часовъ, такимъ образомъ, что, напримѣръ, отъ 7-ми до 11-ти утра занимался эскадронъ Его Высочества; отъ 11-ти до 12-ти унтеръ-офицерская смѣна сего эскадрона; затѣмъ—отъ 12-ти до 5-ти 2-й эскадронъ, а отъ 5-ти до 6-ти его унтеръ-офицерская смѣна. Въ тѣ дни, когда не бывало манежныхъ занятій, людей обучали пѣшему строю на полковомъ дворѣ или на плацу, выводя каждый эскадронъ въ составъ двухъ 25-ти-рядныхъ взводовъ, а также практиковали въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ пистолетовъ, для чего имъ, въ видахъ экономіи, отпускались изъ модлинскихъ запасныхъ парковъ чугунныя пули ¹⁾. Каждымъ взводомъ отдѣльно занимался его

---

¹⁾ Предписаніе въ полкъ бригаднаго командира г.-м. Кнорринга 2-го, отъ 4-го іюня 1818 г. за № 614. (Полк. арх. Журн. вх. и исх. бумагъ за 1818 г. кн. № 428).

командиръ, по всѣмъ частямъ строеваго, умственнаго и нравственнаго образованія; а при этихъ занятіяхъ обязаны были присутствовать также и субалтернъ-офицеры, которые числились въ тѣхъ взводахъ, но не командовали ими. За небрежность, отсутствіе или неумѣлость взводнаго начальника отвѣчалъ эскадронный командиръ, удостоившій его къ командованію взводомъ. Этотъ порядокъ, честь введенія косяго исключительно принадлежитъ Цесаревичу, постоянно наблюдался во всей строгости, и такимъ образомъ будущіе дѣльные эскадронные и полковые командиры въ практической школѣ Цесаревича подготавливались и вырабатывались исподоволь, еще съ перваго офицерскаго чина. Они, между прочимъ, обязаны были твердо знать въ лицо и по фамиліи всѣхъ людей своей части и всѣхъ безъ изъятія унтеръ-офицеровъ своего полка; Его Высочеству тѣмъ легче было повѣрять ихъ въ этомъ отношеніи, что самъ онъ отлично зналъ бѣльшую часть людей въ полкахъ своего отряда.

— Какъ, сударь, зовутъ у васъ этого молодца? спрашивалъ онъ иногда у молодаго офицера, указывая на любаго улана, когда случалось ему завернуть въ манежъ или на полковой дворъ во время взводныхъ занятій.

Молодой офицеръ, если не твердо помнилъ имя и не могъ съ разу же бойко и увѣренно назвать его, обыкновенно, въ смущеніи потуплялъ свои взоры.

— Такъ какъ же зовутъ его?... Не знаете?

— Виновать, Ваше Высочество!

— Ну, такъ *Я* вамъ, сударь, напомяю. Его зовутъ такъ-то. Стыдно!

И называя имя человѣка, Великій Князь нерѣдко называлъ и губернію, изъ которой тотъ былъ родомъ. Память у него была изумительная ¹⁾.

---

¹⁾ Изъ разсказовъ М. К. Максимовича.

Съ началомъ марта, числа около 6-го, въ полкахъ начинался эскадронный кампаментъ, т. е. занятія собственно манежемъ прекращались, и эскадроны приступали къ полевой ѣздѣ и къ фланкерскимъ ученіямъ. Собирались для этихъ ученій либо у арсенала, къ 12-ти часамъ дня, либо на плацу предъ Уздовскимъ госпиталемъ, и выходили обыкновенно во всей боевой аммуниціи и съ полнымъ व्यокомъ. Вообще, надо замѣтить, что въ Варшавѣ полевые ученія иначе и не производились какъ только съ полнымъ походнымъ व्यокомъ и боевымъ вооруженіемъ. Послѣ нѣсколькихъ ученій, эскадроны сводились въ дивизионы и начиналось ученіе дивизионерное. Затѣмъ, около 20-го апрѣля всѣ части армейскихъ конно-польскихъ войскъ (сводный дивизионъ конно-егерской и уланской дивизіи и команды конно-артиллерійскихъ ротъ), прикомандированныя «для узнанія порядка службы» къ кавалеріи русскаго отряда, возвращались въ свои полки и батареи для занятій въ весеннемъ сборѣ, а наши приступали къ полковымъ ученіямъ на Мокотовскомъ полѣ. Тутъ же происходили и дивизионныя ученія нѣшено-конному и, наконецъ, къ началу мая бригадные и дивизионныя въ конномъ строѣ. Іюнь отдавался травѣ; но лошади уже не выгонялись въ табуны, какъ прежде, а пользовались свѣжею кошеною травою на конюшняхъ. Въ это время люди получали отдыхъ отъ строевыхъ занятій.

Съ началомъ іюля мѣсяца эскадроны посылали отборныя команды нижнихъ чиновъ въ Лазенковскую школу плавания, состоять при которой на это время назначался отъ каждаго полка особый оберъ-офицеръ, поступавшій въ распоряженіе начальника школы, полковника Валентино. Здѣсь нижніе чины постепенно и систематически обучались искусству плавания— сначала отдѣльно, потомъ съ лошадыю, потомъ цѣлыми командами, съ лошадыми и безъ оныхъ. Это было занятіе весьма полезное и вполне необходимое для петшпаго кавалериста, который со своимъ конемъ не долженъ останавливаться ни предъ

*

какими преградами, маломальски доступными физическимъ силамъ человѣка и его лошади. Курсъ обученія продолжался отъ двухъ до трехъ лѣтнихъ сезоновъ, продолжавшихся каждый около двухъ мѣсяцевъ и, въ концѣ концовъ, кавалеристы съ конями своими обязаны были переплывать Вислу ¹⁾. Пѣхота имѣла свою отдѣльную школу плавания, устроенную въ болѣе широкихъ размѣрахъ, неподалеку отъ Варшавы, въ Мармонтѣ, на берегу Вислы, и для пѣхотинцевъ обученіе этому искусству считалось даже болѣе обязательнымъ чѣмъ для кавалеристовъ. Занятія плаваніемъ въ пѣхотѣ продолжались постоянно, въ теченіи трехмѣсячныхъ лагерныхъ сборовъ подъ Повонзками. Полный курсъ оканчивался экзаменомъ, въ присутствіи Цесаревича и главноначальствующихъ лицъ, послѣ чего каждому человѣку, признанному достойнымъ, выдавался особый патентъ. Для полученія патента требовалось, чтобы ученикъ, пройдя всѣ семь классовъ въ школѣ, могъ пробыть на водѣ два часа сряду, переплывать Вислу въ мундирѣ и панталонахъ, съ оружіемъ въ рукѣ, и умѣть въ различныхъ позахъ и положеніяхъ бросаться въ воду съ семисаженной высоты ²⁾. Не каждый, конечно, могъ достигать полнаго совершенства, но вообще плаваніе въ войскахъ шло хорошо, люди обучались ему весьма охотно. Его Высочество ежегодно производилъ общій смотръ плаванія на Вислѣ, подѣ Бѣянами. Люди по-баталіонно подходили къ берегу, часть изъ нихъ отряжалась въ работу и принималась тутъ же вязать плоты изъ заранее-приготовленнаго матеріала, или завладѣвала на время нѣсколькими рыбацкими челнами. Остальные же люди, разувшись и сложивъ сапоги вмѣстѣ съ аммуницией на плоты или въ лодки, по командѣ начальника, съ ружьями въ лѣвой рукѣ, стройно бросались въ воду по-взводно или ротами, или даже цѣлымъ баталіономъ. Офицеры, со шпа-

---

¹⁾ Приказы по полку и по варшавскому отряду за разные годы.

²⁾ Рукописныя записки и воспоминанія М. К. Максимовича.

гой въ рукѣ, обязаны были находиться каждый впереди своей части. Искусствѣ доходило до того, что люди не только могли держаться въ водѣ почти въ вертикальномъ положеніи, но даже стрѣлять, производя по сигналамъ бѣглый огонь или пальбу залпами. Переплывъ Вислу, они, послѣ минутнаго отдыха, а иногда и безъ онаго, пускались назадъ, либо же обувшись и разобравъ патронныя сумы, тотчасъ начинали на томъ берегу какой нибудь односторонній маневръ, раскидывали цѣпь, производили атаку, потомъ отступление и возвращались тѣмъ же путемъ, т.е. вплавь, отстрѣливаясь въ водѣ своею цѣпью и производя разныя эволюціи, въ родѣ захожденія плечемъ и перемѣны фронта, въ виду предполагаемаго приближенія флотиліи. Все это теперь могло бы показаться невѣроятнымъ, если бы не было еще въ живыхъ нѣкоторыхъ свидѣтелей и участниковъ этихъ лихихъ упражненій. Первоначально обучали плаванію нѣсколько прусскихъ сержантовъ, но по прошествіи двухъ первыхъ лѣтъ у насъ выработались уже свои собственные инструкторы-плавальщики. По окончаніи урока, ученики получали каждый свою порцію водки, которая хранилась въ особыхъ ящикахъ подъ ключемъ у этихъ инструкторовъ; предъ купаньемъ же употребленіе не только водки, но даже и пива строго воспрещалось ¹⁾).

Съ половины іюля прекращалось въ кавалеріи травяное довольствіе и начинались снова ученія, тѣмъ же порядкомъ, на Мокотовскомъ полѣ: сначала одно или два полковныя, а затѣмъ прямо дивизионныя. Выводили на эти ученія рано: люди должны были быть въ полной готовности къ 5-ти и даже къ 4 1/2 часамъ утра, но тутъ уже допускалось, въ видѣ облегченія, одѣтыми быть въ спензерахъ или въ лейбикахъ, смотря по погодѣ. Ученія слѣдовали черезъ день, и Его Высочество не пропускалъ почти ни одного. Офицеръ, посылаемый отъ каж-

---

¹⁾ Ibid.

даго полка за приказаніемъ, долженъ былъ являться въ Бельведеръ ранѣе четырехъ часовъ утра и почти всегда былъ допускаемъ въ спальню Великаго Князя. Его Высочество постоянно почивалъ не иначе какъ на кожаномъ походномъ матрацѣ, съ кожаной подушкой въ - головахъ, и покрывался своею старою шинелью. На балконѣ у него въ лѣтнее время всегда стояло пять большихъ банокъ—одна съ угремъ, который предъ дождемъ мутитъ воду, другая съ лягушкой и деревянною лѣсенкой, и т. п. Все эти приспособленія замѣняли Цесаревичу барометръ. Разбуженный камердинеромъ своимъ Фризе, который оновѣщалъ о прибытіи офицеровъ, присланныхъ за приказаніями, Его Высочество посылалъ его на балконъ посмотреть въ какомъ состояніи находятся угри и лягушки, и если положеніе этихъ животныхъ предвѣщало ненастье, то сейчасъ же спѣшилъ отправить офицеровъ въ казармы, съ объявленіемъ, что ученье отказано. Не терпя промедленія въ дѣлахъ и будучи аккуратенъ въ высшей степени, Цесаревичъ никогда не любилъ тревожить людей понапрасну. Такимъ образомъ, до возвращенія посланныхъ офицеровъ, люди никогда не приступали къ сѣдловкѣ¹⁾.

Относительно поддержки на постоянной высотѣ всего вниманія и отчетливости эволюціи на ученіяхъ, у Цесаревича была своя снаровка, выработанная опытомъ. Бывало, послѣ Царскаго смотра, гдѣ полки постоянно удостоивались особыхъ похвалъ и благодареній, Его Высочество, давъ имъ нѣсколько дней на отдыхъ, снова назначалъ дивизионное ученье, и если маломальски замѣчалъ какую-либо разницу въ стройности и отчетливости альяровъ и построеній противъ послѣдняго Царскаго смотра, то ужъ навѣрное выскажетъ начальникамъ свое порицаніе на плацу же и отдастъ въ приказѣ, что онъ «съ крайнимъ неудовольствіемъ замѣтилъ дивизию сію во всѣхъ частяхъ

---

¹⁾ Изъ разсказовъ М. К. Максимовича.

опущенною, а въ особенности г-дѣ оберъ и унтеръ-офицеровъ, которые совсѣмъ не знаютъ своего дѣла во фронтѣ», за что и «давалось на замѣчаніе» начальникамъ дивизіи, обѣихъ бригадъ, полковымъ командирамъ и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ. — Всѣ ужъ такъ и знали заранѣе, что послѣ удачнаго Царскаго смотра навѣрное будетъ «всеобщая головомойка», для того чтобы не считали себя совершенствомъ и дѣла своего не забывали. Но первое же ученіе послѣ «головомойки» всегда сопровождалось похвалою, благодарностью Его Высочества и щедрою наградою нижнимъ чинамъ. Все это необычайно привязывало къ нему русскіе полки и заставляло признавать его авторитетъ въ спеціально военномъ, фронтовомъ отношеніи строже и выше всѣхъ остальныхъ авторитетовъ въ мірѣ. — «Царь похвалитъ — изъ милости похвалитъ, потому Онъ, батюшка, солдата обидѣть жалѣетъ, а ужъ коли Великій Князь похвалилъ, значитъ, точно за дѣло», говорили солдаты, и таково было ихъ незыблемое, самое завѣтное убѣжденіе ¹⁾).

2-го и 3-го августа начальникъ дивизіи, генералъ-адъютантъ Курнатовскій, производилъ обыкновенно инспекторскій смотръ уланскому полку. Первый день была «выкладка» казенныхъ солдатскихъ вещей на полковомъ дворѣ и опросъ претензій, а второй день — выводка «Государевымъ строевымъ лошадямъ». Послѣ инспекторскаго смотра начинались на полковомъ же дворѣ конныя ученія. Люди выѣзжали въ строй въ старыхъ спензерахъ и на уздечкахъ, за исключеніемъ трубачей, которые ѣздили съ мундштуками, а офицеры въ сюртукахъ и на английскихъ сѣдлахъ, и всѣ были въ готовности уже къ 5½ часамъ утра. Эти конныя ученія чередовались съ пѣшими-поконному, во дворѣ же, и съ дивизионными на Мокотовскомъ полѣ, въ присутствіи Его Высочества.

Къ 20-му числу августа пѣхота варшавскаго гарнизона воз-

---

¹⁾ Изъ разсказовъ В. Д. Лобанова.

вращалась въ свои городскія казармы, и съ этого же времени гвардейскіе кавалерійскіе полки переставали высылать въ лагерь на пикетъ свои конные взводы, а въ началѣ сентября, числа около 6-го, войска выступали на общіе маневры, которые впрочемъ не бывали продолжительны. Затѣмъ, послѣ короткаго отдыха, кавалерія нѣкоторое время занималась практикою аванпостной службы и малой войны, а съ 1-го октября переходила къ обычнымъ зимнимъ занятіямъ.

Жизнь солдатамъ было хорошее. Зимною вставали въ шесть часовъ утра, дѣлали свой туалетъ и сейчасъ же шли на конюшни къ утренней уборкѣ, затѣмъ возвращались въ столовыя залы къ завтраку, который обыкновенно состоялъ изъ горячаго супа или изъ похлебки съ бычьими гусаками, а послѣ завтрака очередная часть отправлялась на Саксонскую площадь въ разводъ, остальные же эскадроны въ девять часовъ выходили кто въ манежъ, а кто на домашнее ученье. Стрельбныя занятія хотя и происходили ежедневно, но для людей не были обременительны, занимая собою полтора, много два часа въ сутки. Такъ называемымъ «пунктикамъ», по волѣ Великаго Князя, учили только рекрутъ, въ первое время поступленія въ полкъ, а потомъ уже изъ практики каждый человѣкъ и безъ затверживанья зналъ ихъ прекрасно. Въ обученіи же людей налегали преимущественно на развитіе ловкости и силы во владѣніи своимъ оружіемъ, на полное усвоеніе искусства верховой ѣзды, на одиночную пѣшую выправку и «фронтную развязку» и, наконецъ, на стройность шага и всѣхъ поворотовъ какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строѣ. Что касается сигналовъ, то люди усвоили ихъ практически, изъ навыка. Начальство, подъ зоркимъ и попечительнымъ глазомъ Великаго Князя,—по выраженію стараго ветерана ¹⁾—«было не лютое, справедливое, солдатъ никогда не тѣснило», и потому люди несли службу

---

¹⁾ В. Д. Лобанова.

какъ должно, не тяготясь ею, доказательствомъ чему опять-таки служить ничтожное количество побѣговъ и рѣдкость тѣлесныхъ наказаній, насколько можно это видѣть изъ мѣсячныхъ отчетовъ и полковыхъ приказовъ. Ровно въ полдень садились люди за обѣдъ, получая въ посту щи или борщъ съ рыбой, а въ мясоѣдъ съ говяжьей и затѣмъ какую либо кашу съ масломъ, а по праздникамъ пироги и иногда жареное. Мяса шло по фунту на человека и выдавали его «дѣлянками», т. е. отвѣсными порціями, а хлѣба хотя и полагалось по три фунта, но безъ вѣсу, а такъ, сколько съѣшь, во всю свою волю, — и приносили его въ эскадроны обыкновенно съ утра, большими караваями. Хлѣбъ всегда былъ свѣжій, отлично выпеченный, такъ что и офицеры ѣдали его за лакомство. Винная порція, изъ жалуемыхъ Цесаревичемъ денегъ, отпускалась два, а иногда и три раза въ недѣлю. На экономическія средства выдѣлывался свой домашній крѣпкій квасъ, поддушенный мятою и подслащенный медовою сытою. Въ восемь часовъ, послѣ вечерней уборки, трубили на ужинъ, за которымъ люди получали горохъ, похлебку, кашницу и вообще что случится, только не то что было въ обѣдъ или на завтракъ. Послѣ ужина слѣдовала общая молитва, и затѣмъ, вслѣдъ за вечернею перекличкой, уланы расходились по койкамъ, за чистотою и свѣжестью которыхъ имѣлось постоянное наблюдение. Рядовые получали въ треть жалованья 5 рублей 65 копѣекъ, а унтеръ-офицеры 7 рублей (т. е. 20 рублей ассигнаціями въ треть). Словомъ сказать, условія жизни были прекрасныя, да и трудно было быть заботливѣе Цесаревича относительно этихъ условій. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы его коляска не остановилась предъ тою или другою эскадронною казармой. Иногда Его Высочество приказывалъ выносить къ себѣ порцію, а чаще всего самъ шелъ на кухни и пробовалъ изъ котловъ; затѣмъ, бывало, зайдетъ въ казарму, велитъ откинуть нѣсколько одеялъ и простынь, освидѣтельствуетъ опрятность бѣлья, чистоту воздуха, количество градусовъ тепла, перемол-

вится нѣсколькими ласковыми словами съ дежурнымъ по эскадрону офицеромъ и съ людьми; коли все нашелъ въ должномъ порядкѣ, скажетъ спасибо вахмистру и отправляется по конюшнямъ. Самъ, бывало, провѣритъ какво зачищены лошади, свѣжа ли подстилка, хорошъ ли фуражъ; завернетъ и въ цейхаузъ, и на кузницу, и въ мастерскія — словомъ, ничего не упуститъ изъ-подъ своего зоркаго, заботливаго глаза. Люди постоянно на опытѣ видѣли эту отеческую попечительность Цесаревича и, цѣня ее въ сердцѣ, невольно пріучались любить его, какъ отца роднаго ¹⁾).

Его Высочество былъ необыкновенно щедръ. За каждый удачный разводъ, за каждое хорошее ученье, произведенное въ его присутствіи, не говоря уже о большихъ смотрахъ и парадахъ, онъ постоянно жаловалъ людямъ по чаркѣ вина и фунту мяса, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по рублю изъ собственной шкатулки. Когда какой-либо унтеръ-офицеръ возвращался изъ временнаго домашняго отпуска, то обязанъ былъ представляться Его Высочеству, утромъ, въ Бельведерѣ или въ Брюлевскомъ дворцѣ, въ полной парадной формѣ. Точно такъ же и уходившіе «въ чистую» являлись къ нему прощаться, при чемъ Великій Князь благодарилъ ихъ за службу и одѣлялъ по нѣскольку червонцевъ на дорогу.

Старшіе вахмистры, многіе унтеръ-офицеры и даже рядовые изъ людей, лично ему извѣстныхъ, получали отъ него двойной окладъ жалованья, который онъ производилъ имъ опять же-таки изъ собственной шкатулки. Но въ особенности заботился Его Высочество въ этомъ отношеніи о недостаточныхъ семейныхъ людяхъ. Въ первые годы варшавской стоянки многіе нижніе чины, что называется, зря—женились на мѣстныхъ уроженкахъ-безприданницахъ и потомъ вскорѣ начинали сожалѣть и раскаиваться, не имѣя достаточно средствъ чтобы вести

---

¹⁾ Изъ рассказовъ В. Д. Лобанова.

порядочный образъ жизни. Входя въ это положеніе, Цесаревичъ оказывалъ поддержку всѣмъ достойнымъ изъ нихъ и чрезъ генерала Альбрехта поручилъ эскадроннымъ командирамъ отговаривать своихъ нижнихъ чиновъ отъ неосторожнаго вступленія въ бракъ и какъ можно тщательнѣе провѣрять имѣютъ ли невѣсты сами по себѣ достаточно средствъ къ безбѣдному существованію. ¹⁾ Великій Князь всегда самъ осматривалъ вновь прибывавшихъ рекрутовъ и, смотря по наружности, склонностямъ и способностямъ, распредѣлялъ ихъ по родамъ оружія и по полкамъ. Каждый рекрутъ, спустя мѣсяцъ послѣ поступленія въ полкъ, былъ представляемъ Его Высочеству въ качествѣ пѣшаго ординарца, при чемъ Цесаревичъ могъ наглядно судить объ успѣхахъ первоначальной его выучки. Каждому подобному ординарцу онъ жаловалъ не менѣе червонца, а то и два, и три, смотря потому на сколько понравился. ²⁾

Страстно любя службу, Великій Князь Константинъ Павловичъ искренно любилъ и лучшихъ ея дѣятелей; онъ лично зналъ всѣхъ подкомандныхъ офицеровъ, а изъ старшихъ, до ротмистра и капитана включительно, рѣдкаго не знавалъ по имени и отчеству, при чемъ и обращался къ нимъ такимъ образомъ, а не по чинамъ и титуламъ, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа; въ минуты же шутильвости добродушно, но отнюдь не въ обиду, называлъ иныхъ офицеровъ тѣми кличками, какія въ шутку даны имъ были въ добромъ пріятельскомъ кругу однополчанъ-товарищей. Такимъ образомъ, на примѣръ, въ нашемъ полку ротмистра Чуйкова называли въ шутку Циттеномъ, за то что, при всѣхъ своихъ отличныхъ достоинствахъ, онъ былъ не совсѣмъ-то ловокъ и красивъ на лошади ³⁾.

Кошелекъ Его Высочества всегда былъ открытъ для нуж-

---

¹⁾ Приказъ по полку отъ 21-го октября 1817 г. § 5.

²⁾ Изъ рассказовъ В. Д. Лобанова.

³⁾ Изъ рассказовъ барона А. Ф. Розена.

дающихся офицеровъ, и многіе, въ видѣ негласнаго пособія, получали отъ него лично второй окладъ жалованья. Щедростью его иногда даже злоупотребляли. Такъ, напримѣръ, поручикъ М., въ ноябрѣ 1818 года, представилъ генералу Альбрехту при рапортѣ запечатанный пакетъ на имя Его Высочества. Вскрывъ конвертъ, Великій Князь прочелъ письмо, въ которомъ поручикъ М. проситъ «о пожалованьи» ему съ братомъ, ни болѣе ни менѣе, какъ пятидесяти тысячъ рублей!—Цесаревичъ поручилъ Альбрехту объявить братьямъ М., что «признавая сію сумму не соразмѣрною, и совершенно зная, что Высочайшаго соизволенія не можетъ на оную послѣдовать», онъ не рѣшается представить Государю Императору подобную просьбу, и самъ не имѣетъ возможности удовлетворить ей ¹⁾. И замѣчательно, что эта нелѣпная просьба ни мало не повредила въ глазахъ Цесаревича служебнымъ отношеніямъ поручика М., который впоследствии дослужился до виднаго положенія.

Вообще, можно сказать, что тѣ добрыя, чисто родственныя отношенія къ своему полку, начало которымъ положилъ Цесаревичъ въ 1803 году, еще упрочились, стали, если можно, еще теплѣе и задушевнѣе съ переходомъ 1-го дивизіона въ Варшаву и съ образованіемъ изъ него новаго Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Его Высочества полка. Великій Князь, напримѣръ, никогда не отказывалъ если офицеръ или солдатъ просилъ его въ крестные отцы своему новорожденному ребенку, и щедро посылалъ—а то иногда и самъ клалъ—«на зубокъ» подъ подушку родильницѣ; нерѣдко бывалъ посаженнымъ отцомъ на свадьбахъ своихъ офицеровъ, удостоивалъ пріѣзжать въ Замковую церковь къ обряду вѣнчанія и, если позволяло время, то и въ квартирѣ молодыхъ—пожелать имъ, съ бокаломъ въ рукѣ,

---

¹⁾ Повелѣніе Вел. Кн. Цесаревича ген. Альбрехту отъ 1-го декабря 1818 г. за № 3897 и предписаніе ген. Альбрехта въ полкъ отъ 4-го декабря того же г. за № 1191 (Иол. арх. журн. вх. и исх. бумагъ за 1818 г. кн. № 221, ч. I.)

счастливаго супружества. Когда кто-либо изъ офицеровъ заболѣвалъ серьезнымъ образомъ, Его Высочество поручалъ своему собственному медику слѣдить за правильнымъ ходомъ леченія, и не только посылалъ ординарца справляться о здорровьи, но иногда и самъ, бывало, неожиданно посѣтитъ больного, утѣшитъ, ободритъ его и, какъ скоро замѣтитъ нужду, то молча сунетъ подъ подушку нѣсколько крупныхъ ассигнацій. При похоронахъ почти всегда пріѣзжалъ онъ къ выносу и шелъ нѣкоторое время за гробомъ, особенно же если покойный былъ однимъ изъ старшихъ офицеровъ, или его любимцемъ.

Хоронили въ Варшавѣ военныхъ всегда съ парадомъ. Принадлежалъ ли покойный къ польскому или русскому войску—офицеры того или другаго безразлично обязаны были въ установленной формѣ являться къ выносу гроба и провожать его до заставы, а своего однополчанина до самой могилы. При опусканіи гроба въ могилу, трубачи играли «походъ», а люди, находившіеся въ строю эскорта, выпускали три залпа изъ пистолетовъ. Тоже самое уставное правило строго наблюдалось и относительно нижнихъ чиновъ. Для погребенія умершаго солдата обыкновенно назначался въ парадъ пѣшій 12-ти-рядный взводъ отъ того эскадрона, къ которому принадлежалъ покойный, при двухъ унтеръ-офицерахъ и одномъ трубачѣ, подъ командою оберъ-офицера того же эскадрона. Нерѣдко, по просьбѣ товарищей покойнаго, и весь музыкальный хоръ, съ разрѣшенія полковаго командира, сопровождалъ гробъ до могилы. Погребали усопшаго не иначе какъ въ полной парадной формѣ, а кресты и медали, если таковыя у него были при жизни, полагались на крышкѣ гроба. Людямъ провожавшаго взвода, все равно какъ и для офицерскихъ похоронъ, выдавалось по три холостыхъ патрона для прощальныхъ залповъ, или «для разстрѣла», какъ выражались они ¹⁾).

---

¹⁾ Полковые приказы и рассказъ В. Д. Лобанова.

Цесаревичъ былъ вспыльчивъ. Въ особенности когда дѣло касалось нерадности и упущеній по службѣ, либо по фронту, гнѣвъ его былъ грозенъ и дѣлалъ сильное впечатлѣніе; но если эти порывы и могли налетать на него со всею внезапностію, то они проходили весьма легко и скоро, не оставляя никакихъ горестныхъ послѣдствій для человѣка, навлекшаго на себя минутную вспышку Его Высочества. Если Цесаревичъ и бывалъ иногда неправъ, то онъ никогда не затруднялся открыто и прямо предо всѣми сознаться въ своей ошибкѣ и старался выпскать возможность, чтобы со всею деликатностію вознаградить такъ или иначе потерпѣвшаго. Лучшею же наградой было его доброе, душевное слово и обращеніе. Когда онъ былъ въ духѣ и хотѣлъ кому-либо оказать ласку, то обыкновенно бралъ того слегка обѣими руками за уши и, притянувъ къ себѣ, цѣловалъ въ лицо ¹⁾. Зналъ, что Цесаревичъ, по своему произволу, никогда никого не сдѣлалъ несчастнымъ, но всегда со всею страстностію стремился поддержать и защитить подчиненныхъ, всѣ они, отъ генерала до послѣдняго солдата, были ему преданы всею душою. При всей строгости тогдашнихъ порядковъ, Его Высочеству нравились смѣлыя, честныя выходки и онъ никогда не забывалъ ихъ. Умъ его былъ склоненъ къ шутливости и остроутѣ. Онъ самъ бойко и остро говорилъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, понималъ шутку и охотно принималъ ее, даже и тогда, когда она была обращена къ нему лично. Онъ очень любилъ театръ, охотно и часто присутствовалъ на польскихъ и французскихъ спектакляхъ ²⁾; въ обществѣ же это былъ блистательный, оригинальный человѣкъ, очаровательный по своему остроумію и любезности съ женщинами, какъ и его державный родитель Императоръ Павелъ ³⁾. Въ наружности Велика-

---

¹⁾ Воспоминанія П. А. Колзакова. «Р. Старина» 1870 г. стр. 495.

²⁾ Кн. П. А. Вяземскій, «Листки изъ записной книжки, начатой въ 1813 году». «Р. Архивъ» 1873 г. стр. 1788.

³⁾ Записки гр. А. Д. Блудовой. Ibid. стр. 2058.

го Князя въ особенности дѣлали пріятное впечатлѣніе его большіе голубые глаза, въ которыхъ свѣтилось много ума и огня, и его пріятная, открытая улыбка. Въ немъ видно было здоровье и такое крѣпкое, мускулистое сложеніе, что онъ рѣзко отдѣлялся отъ всѣхъ придворныхъ кавалеровъ; въ ясномъ взглядѣ его видна была и душа ясная. Это былъ воинъ и душой, и тѣломъ, со всею военною ловкостью ¹⁾. Его Высочество, устраняя себя отъ политики и государственнаго управленія дѣлами Царства Польскаго, велъ жизнь самую скромную, вполнѣ семейную. Дежурные адъютанты и ординарцы почти всегда были приглашаемы къ его обѣду. Главное же занятіе и вмѣстѣ развлеченіе его состояло въ совершенствованіи строевой службы войскъ польскихъ и русскихъ ²⁾. Много усиленныхъ трудовъ и терпѣнія нужно было ему для того, чтобы ввести въ польскихъ войскахъ дисциплинарные порядки и отношенія.

На первыхъ порахъ въ Варшавѣ нижніе чины польскіе и русскіе обнаруживали взаимно враждебныя чувства, которыя нерѣдко доходили до ссоръ и даже до дракъ, особенно при недалекомъ сосѣдствѣ варшавскихъ казармъ, гдѣ чаще всего повторялись эти столкновенія. Въ подобныхъ случаяхъ начальники прибѣгали къ мѣрамъ строгости и не допускали послабленій; наказанія слѣдовали за наказаніями, но вражда не уменьшалась. Наконецъ, съ разрѣшенія Цесаревича, были приняты другія мѣры къ возможному сближенію русскихъ солдатъ съ польскими, причемъ, между прочимъ, старались сблизить ихъ посредствомъ общихъ обѣдовъ, угощеній, товарищескихъ собраній и т. п. Хотя при такомъ направленіи вражда, повидимому, уменьшалась, солдаты мирились, но это были лишь наружныя отно-

---

¹⁾ Письма принцессы Саксенъ-Кобургской о Русскомъ Дворѣ. «Р. Архивъ» 1869 г. стр. 1091—95.

²⁾ Замѣтки П. Ульянова. «Р. Архивъ» 1867 г. стр. 703, и кн. П. А. Вяземскій, *Ibid.* 1873 г. стр. 1788.

шенія; искренней же пріязни между ними все-таки не существовало ¹⁾.

Офицеры обонхъ войскъ тоже косовато посматривали другъ на друга, и это затаенно-враждебное отношеніе началось прежде со стороны поляковъ, которые не удовлетворясь дарованною имъ конституціей и географическими границами, проявляли плохоскрытое озлобленіе свое вообще противъ русскихъ. Въ особенности это чувствовалось со стороны военной молодежи. Варшавское офицерство встрѣчалось обыкновенно въ двухъ ресторанахъ на Длугой улицѣ: у француза Александра Шевѣ и у пани Нейманъ, трактиръ которой пользовался въ военномъ кругу наибольшою популярностію, такъ какъ тамъ, для привлеченія публики, были и арфиетки, и табль-д'отъ, и женская прислуга. Но при этихъ встрѣчахъ все какъ-то не клеилось дѣло сблизенія: русскіе, бывало, сидятъ въ одномъ концѣ, поляки въ другомъ и явно показываютъ нежеланіе имѣть что-либо общае съ «москалями». Къ ненавистному имъ сонму «москалей» причисляли они и тѣхъ изъ своихъ кровныхъ соотечественниковъ, которые служили въ полкахъ русскаго отряда ²⁾.

Великій Князь душевно скорбѣлъ объ этихъ отношеніяхъ и всячески стремился водворить полное братство между поляками и русскими. Съ этою цѣлью, между прочимъ, онъ оказывалъ особенное покровительство смѣшаннымъ бракамъ своихъ офицеровъ. Въ этотъ періодъ времени многіе изъ нашихъ женились на полякахъ, вошли въ польскія семейства, въ польское общество и—по наружности казалось, будто мѣра эта дѣйствительно была многими. Но увы! печальныя послѣдствія доказали, что это была только наружность. Поляки, по тѣмъ или другимъ практическимъ соображеніямъ, хотя и роднились съ русскими офицерами, но сердце и душа ихъ все-таки были далече....

¹⁾ Воспоминанія М. К. Максимовича, стр. 7—8.

²⁾ Изъ рассказовъ М. К. Максимовича.

Въ ряду существенныхъ средствъ сближенія считались также пиры, балы и празднества, которые, по инициативѣ начальниковъ, устраивались офицерскими обществами разныхъ полковъ, причемъ остальное офицерство получало приглашенія. Особеннымъ блескомъ отличались лѣтніе, лагерные праздники. Пѣхотный лагерь по преимуществу замѣчательнъ былъ необыкновенною красотою. Длинные тѣнистыя аллеи вели по фронту и раздѣляли полки одинъ отъ другаго. Полковые, бригадные и дивизионные командиры развели вокругъ своихъ барачковъ изящные сады, гдѣ, среди роскошнаго выбора цвѣтовъ и деревьевъ, видѣлись статуи и красивыя бесѣдки. Щеголяя другъ передъ другомъ убранствомъ помѣщеній, командиры войскъ устраивали, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, пиры, на которые стекалась обыкновенно вся блестящая молодежь Варшавы и цвѣтъ лучшихъ красавицъ. Музыка гремѣла повсюду и танцы продолжались далеко за полночь, при блестящей, разноцвѣтной иллюминаціи, и оканчивались фейерверками. Все это приманивало громадную массу публики, такъ что пѣхотный лагерь служилъ постояннымъ гульбищемъ для жителей Варшавы ¹⁾.

Не смотря однако на всѣ усилія Великаго Князя, искренняго, задушевнаго сближенія между массою польскихъ и кружкомъ русскихъ офицеровъ, все-таки не послѣдовало. И общіе обѣды, и балы, и празднества, и смѣшанные браки—ничто не могло изгладить той непріязни, которую, не смотря на всю официальную любезность польскихъ начальниковъ, русскіе инстинктивно чувствовали къ себѣ со стороны поляковъ.

Тѣмъ не менѣе, до 1826 года рѣзкія проявленія этой непріязни случались какъ отдѣльные, одиночныя вспышки. Общее чувство находило нужнымъ, пока до времени, прикрывать себя личиною лести и преданности и заглушаться музыкой и тостами пировъ, цвѣтами и блескомъ праздниковъ.

¹⁾ Воспоминанія К. П. Колзакова. «Р. Старина» 1873 г., кн. IV, стр. 443.